

Глава XII

БОРЬБА НОВГОРОДЦЕВ С ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ

В начале XVII в. шведские и польские войска подвергли страшному опустошению новгородскую землю. Неприятельские отряды поджигали погосты, насильно сгоняли крестьян на работы, разверстывали большие постоянные деньги, отбирали продовольствие. Крестьяне обязаны были поставлять шведам и полякам муку, овес, солод, хмель, вино, масло, рыбу, соль, кур, сено, дрова, свечи и, кроме того, работать на них. Ослушавшихся постигала жестокая кара.

Грабежи и жестокости иноземных захватчиков вызвали огромный размах партизанской войны. Крестьяне нападали на отряды интервентов и истребляли их. Боясь партизан, французские наемники шведского полководца Якова Делагарди отказывались выступать в походы. Мелкие отряды шведов чувствовали себя в деревнях, как в осаде. Шведы жгли села, но партизанская борьба против них не прекращалась.

Сильные рати поляков и шведов угрожали самому Новгороду. Измена части боярства помогла шведам при штурме города. Хотя городовые казаки и мелкий люд оказали полякам ожесточенное сопротивление, шведы все же ворвались в город и стали его грабить, насиловать и убивая жителей и сжигая дворы посадских.

Ожесточенное сопротивление встречали шведы и в других новгородских городах. Когда шведы напали на Колу, они встретили такой отпор, что принуждены были отступить. Исключительная храбрость и самоотверженность русских крестьян и посадских людей удивляли издавших виды иноземных наемников. Когда после жестокой осады пал новгородский город Корела (ныне Приозерск), то из трех тысяч жителей в нем осталось в живых всего сто. В Орешке (ныне Петрокрепость) после штурма живыми оказались из гарнизона всего двое.

За годы хозяйничанья всеевропейского сброда наемников Новгородская область была страшно опустошена. Население Новгорода частью вымерло, частью разбежалось, соединившись с отрядами партизан. В начале XVII в. в самом городе было много пустырей: пустовали целые улицы. «А в твоей

государевой отчине, — писали новгородцы в челобитной царю, — в Великом Новгороде Софийская сторона вся пуста и разорена до основания, а на Торговой, государь, стороне также многие улицы и ряды пусты; в которых, государь, улицах и есть жилишка, и тех немного: в улице человек по осьми и десяти, да и те бедны и должны».

Земля стояла непаханной и зарастала сорняками. Запустели мирные села, погосты, починки. В лесах бродили одичавшие лошади. Но разбежавшиеся жители соединялись в отряды и били вражеских солдат всюду, где бы они ни появлялись. Жители городов сносились друг с другом посланиями, объединялись в ополчения. В Тихвине шведский гарнизон был почти уничтожен. Шведам не удалось замирить и Псков. Именно эта война, до крайности истощившая шведское войско, заставила их поторопиться с заключением Столбовского мира, по которому многое из фактически завоеванного шведами возвращалось русским.

* * *

Несмотря на страшное разорение и опустошение Новгорода, культурная жизнь не замирает в нем. Ко второй половине и к концу XVII в. в Новгороде относится ряд построек, из которых наиболее интересны гражданские. В Детинце был построен в конце XVII в. так называемый Лихудовский корпус. В нем помещалась славяно-греко-латинская школа братьев Лихудов. Восточный фасад этого корпуса украшен сложными оконными наличниками. У Софийской звонницы находилась другая гражданская постройка XVII в., примечательная своими богатыми наличниками окон. В южной части Детинца сохранились стены Никитинского корпуса второй половины XVII в.

В течение всего XVII в. не прекращается в Новгороде и литературная деятельность. Характерною чертою новгородской литературы XVII в. является по-прежнему отчетливое отражение в ней социальной борьбы молодых и больших людей городского населения. Новгородские летописи, ведшиеся местными летописцами, твердо стоят на стороне мелкого люда против «властительские неправды и грабления и обиды».

Под 1611 г. в новгородских летописях имеется несколько рассказов о взятии Новгорода шведскими войсками Якова Понтуса Делагарди. Один из них резко выделяется своими демократическими тенденциями. Он прямо говорит о пьянстве, нерадении, грабежах и измене новгородских начальников. Резко осуждает автор рассказа новгородского воеводу Василия Бутурлина, который, воспользовавшись тем, что шведы заняли Софийскую сторону, ограбил со своими ратными людьми лавки и дворы с товарами на Торговой стороне. Измена воевод противопоставлена в повести стойкости стрелецкого головы Василия Гаютина, дьяка Афиногена Голянищева, некоего Василия Орлова и казацкого атамана Тимофея Шарова с сорока казаками. «Многою статьею их немцы прельщаху, чтоб они здалися, они же не здашася, все помроша за православную веру». Софийский протопоп Аммос, чем-то провинившийся и бывший «в запрещении» у новгородского митрополита, заперся у себя во дворе с несколькими своими советниками, бился в рукопашную со

шведами долгое время и многих перебил, не пустив шведов к себе в дом. Митрополит, молившийся в это время на городской стене о победе новгородцев, видя «крепкое стоятельство» провинившегося протопопа, заочно простил его. В конце концов шведы подожгли двор протопопа, перечившего митрополиту и не сдавшегося шведам. В огне погибли все защитники — ни один не сдался живым, несмотря на многократные уговоры шведов.

В псковской переработке дошло до нас новгородское сказание «О бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей России...» Основная тема этой повести — выяснение причин иноземной интервенции начала XVII в.: «как и откуда начашася сия злая быти». Тема эта составляет главное содержание многих русских повестей этого периода, однако в перечислении внутренних причин, приведших к губительным для русской земли последствиям, автор резко отступает от взглядов других писателей. По существу, виновной он считает лишь одну часть русского общества — «бессловных зверей» — бояр, «сильных градодержателей», «нарочитых людей».

Автор сказания обвиняет бояр в чрезмерной склонности ко всему иноземному, в изменах, в постоянных попытках возвести на престол иноземцев, в разделении русских земель, в утеснении страны налогами, в присвоении государевых владений, в отравлении лучших государственных людей и т. д. и т. п.

Некоторые «от боярска роду» изображаются всюду как «изменники и нарушители христианству, любящие поганские обычаи и законы». Поляки умышляют на русскую землю вместе «с русскими изменники с бояры». Бояре наговаривают Шуйскому на его брата Михаила, портят царицу Анастасию при Михаиле Романове. Самого царя Михаила Федоровича сказание защищает: он добр, тих, кроток, смирен, благоуветлив, во всем подобен прежнему царю и дяде своему Федору Ивановичу. Во всех неустроениях русской земли при Михаиле Федоровиче виноваты одни лишь «злые чаровники» и «зверообразные человеки» — бояре.

Измене боярства автор-новгородец противопоставляет стойкость и мужество всего русского народа.

Несмотря на то, что сказание это составлялось, по выражению С. М. Соловьева, «по стоустой молве народной», оно довольно искусно по форме и по языку, близко примыкая по стилю к московской литературе того же времени.

В новгородской литературе XVII в. мы не найдем уже тех сепаратистских устремлений, которые имелись в ней в предшествующие столетия. В ней нет ни особой «областной» исторической концепции, ни полного единства местных литературных стилей. Все более ощутима в ней широкая патриотическая тенденция. Чувство единства русского народа никогда еще не сказывалось в новгородской литературе с такой силой, как именно в это время.

Так постепенно культура Новгорода теряет местные черты и вливается в культуру общерусскую. Постепенное иссякновение местных особенностей не было результатом обеднения местных культурных сил. Наоборот, оно яви-

лось как следствие наплыва различных культурных влияний, в первую очередь московских, растворивших характерные черты местных новгородских школ в искусстве и в литературе; оно явилось как следствие демократизации литературы, как результат общего подъема патриотического настроения. Теряя местные черты, новгородская культура приобретает черты общенациональные.

* * *

Творя настоящее, советские люди направляют все свои помыслы в будущее. Перед нашим духовным взором раскрываются необычайные сокровища, которыми будет владеть наша Родина через семь, десять, двадцать, сто лет...

Думая о наших детях, внуках, правнуках, мы верим, что в их жизни не будет войн и что у них будет всё. Но всё — это не только межпланетные корабли, победа над социальной несправедливостью, старостью, болезнями и смертью. Это — и сияние зорь над бескрайними русскими полями, и золото осенних рощ, это — и красота полноводного Волхова, и весенние пересвисты птиц над приильменскими просторами...

Больше, чем когда-либо, потомкам нашим нужна будет Родина и ее славное прошлое.

Постигая годы великих революционных дерзаний и побед, думая о горячих людях, создавших прекрасную жизнь для прядущих поколений, потомки наши будут обращать свои мысли и к летописям глубокой древности — к новгородским черным людям, сражавшимся на Волховском мосту и на Вечевой площади, сказителям поэтических былин, новгородским художникам и мастерам, воплотившим в своем вдохновенном искусстве бессмертные народные традиции. Всё будет беречь благодарная память потомков...

В современном Новгороде наряду с работниками промышленности трудятся специалисты музейного дела, археологи, археографы, хранители древних рукописей и книг, архитекторы-реставраторы, искусствоведы. Они ведут борьбу со смертью, которая подстерегает не только людей, но и их неповторимые творения. Бережно извлекают они из небытия и оберегают от гибели неоценимые сокровища. Они терпеливо, шаг за шагом реставрируют здания, фрески — мировые шедевры русского искусства, — спасают их от разрушительных действий времени, жары и мороза, палящих лучей солнца, дождя и сырости, от равнодушия или легкомыслия тех, кто не хочет знать национальной культуры или не способен ее ценить.

Проявляя заботу о памятниках нашей древней культуры, они заботятся о нашем будущем.